

ПРЕЗИДЕНТ ЛУКАШЕНКО - ВОЖДЬ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН

Либеральная белорусская пресса, оппозиционная Александру Лукашенко, не спорит о том, хочет или нет он стать президентом Великой России или какой-нибудь Восточно-Славянской Федерации. Спорят лишь о том, может ли это у него получиться.

Готовность Лукашенко ездить в русскую провинцию и вступать там в прямые контакты с местными лидерами, стремление попасть в российские СМИ, легкость, с которой он признает русских «старшими братьями» белорусов, находят свое объяснение. Это — не поведение человека, достигшего вершины карьеры, дальнейшее «восхождение» которого уже неотделимо от «восхождения», успехов его государства. Это, скорее, поведение человека, для которого его страна слишком мала, как для Наполеона была мала Корсика, а для Гитлера Австрия. На первый взгляд, это просто бред. Но только на первый взгляд. Внимательное рассмотрение белорусской ситуации и возникшего из нее «феномена Лукашенко» делает эту гипотезу (разумеется, не гипотезу о Лукашенко как о нашем будущем президенте, а гипотезу о том, что он вынашивает подобные планы) довольно правдоподобной.

Несмотря на советскую, а затем и постсоветскую «суверенную» государственность, этническое самосознание белорусов во много раз слабее самосознания многих негосударственных народов. В отличие от третьего восточнославянского брата — украинцев, они не имели традиции национального государства или протогосударства, борьбы за независимость, своего «эпоса» освободительных войн, не имели своего аналога Галичины с ее относительно свободной национальной жизнью в рамках Австро-Венгрии и особой религией — униатством. Можно сказать, что белорусы не могли решить для себя (и так и не решили до сих пор), кто они — особый народ или русский «субэтнос». За годы советской власти белорусы подверглись колоссальной русификации. Причем не только из-за стремления Москвы, но прежде всего естественным путем, из-за слабой приверженности к своему языку и значительно большей легкости перехода на русский, чем создания белорусскоязычной среды современного производства и городской жизни. Если прибавить к этому, что при советской власти белорусы жили сравнительно неплохо, что экономический прогресс Беларуси в послевоенный период был весьма значителен, что партизанское движение для белорусов стало едва ли не первой всенародной борьбой с поработителями, а белорусский национализм в годы войны скомпрометировал себя сотрудничеством с оккупантами, мы поймем, что национальных импульсов для борьбы с Центром в Беларуси было мало. Народный фронт не смог стать таким же массовым движением, как его аналоги в других республиках. Тем не менее общий распад коммунистической системы втянул упирающуюся «белорусскую Вандею» в процессы суверенизации и полупостроения-полуимитации демократии и рыночной экономики со всеми неизбежными компонентами этих процессов: расцветом коррупции, обогащением номенклатуры и немногих «новых белорусов» и обнищанием большинства народа. Чем дальше, тем больше народ чувствовал ностальгию по советским временам и связывал свои беды с

«националистами» и «демократами», гербом «Погоня» и попытками возродить забытый им белорусский язык. Это и есть тот фон, на котором возникает «феномен Лукашенко» — явление, имеющее аналоги в других республиках, но в Беларуси приобретшее своеобразную окраску и гротескные формы.

Директор совхоза Лукашенко, ставший активным депутатом и председателем парламентской комиссии по борьбе с коррупцией, не имел ни ясной политической линии (вначале он считался «демократом» и блокировался с немногочисленной народнофронтской оппозицией, но затем стал единственным депутатом, проголосовавшим против ратификации Беловежских соглашений), ни какой-либо своей партии или движения, ни поддержки влиятельных сил, вообще ничего. Он имел лишь искренность и бесстрашие, проявившееся в его «судьбоносном» голосовании и обвинениях в коррупции всей верхушки, а также явную близость своих сумбурных воззрений и ценностей воззрениям и ценностям белорусского народа. Как и большинство белорусов, он был убежден, что все беды — от распада Союза, интеллигентов-националистов, нечестной номенклатуры, разного рода мафий и отчасти — Запада. И хотя его соперник на выборах Кебич был премьер-министром, хотя он поддерживался Россией и держал в своих руках местные администрации, фактически создав «Наш дом — Беларусь», во втором туре он получил жалкие 14 процентов, а «деревенский выскочка» — 80 процентов голосов. В Беларуси произошла популистская электоральная революция.

При крайней слабости партий, отсутствии четких идеологий и озлобленности народа такие революции характерны для постсоветского мира. Периодически то там, то здесь возникают «харизматики», привлекающие народ бесстрашным бросанием своих перчаток в лицо начальства и щедро раздающие обещания, не имеющие за собой вроде бы ничего, кроме решительности, но побеждающие, как Давид, номенклатурных Голиафов. Элементы такого популистского протеста (с иными идеологическими добавками) были и в победе Ельцина, и в успехе Жириновского. Но только в белорусских условиях предельной растерянности народа это явление достигло максимальных размеров. Нигде номенклатурная элитарная власть не была побеждена с такой легкостью «простым парнем из народа». И нигде эта власть не продемонстрировала с такой силой свою мощь, сведя «народную электоральную революцию» к чистой символической, к сотрясанию воздуха.

Победа Лукашенко ни к чему не ведет. Не только не выполняются щедро раздававшиеся обещания прекратить рост цен, но не происходит сколько-нибудь существенных подвижек в элите. Группу честолюбивых молодых интеллигентов, помогавших Лукашенко и думавших, что будут направлять этого «некультурного и наивного, но честного человека», он очень скоро разогнал. Он окружил себя все той же старой номенклатурой. Никаких громких процессов над коррупционерами и никаких «чисток». Экономическая политика — равнодействующая между требованиями МВФ и «социалистическими» импульсами президента, определяемая интересами медленно (медленнее, чем в России) обуржуазивающейся номенклатуры.

Естественно, что рейтинг Лукашенко начинает падать. Интеллигенция (в Беларуси значительно более оторванная от народа, чем в России) его просто ненавидит. Для нее он — символ унижения и ее, и белорусской нации, про язык которой он сказал, что на нем «нельзя выразить ничего великого», ибо «на свете есть только два великих языка — русский и английский». И каждый новый «лукашизм» — словесный перл президента, усиливает эту ненависть. (Последний

— фраза, сказанная им захваченному в Беларусь Ли Пэну: «Хотя Вы человек с Востока, но высочайшего, европейского уровня руководитель».) Лукашенко становится предметом бессильного интеллигентского издевательства; его пик — публикация в газете «Свобода» поэмы «Лука Мудищев — президент». Но если на интеллигенцию ему более или менее плевать, то без поддержки народа он все же обойтись не может.

Что делает в этой ситуации Лукашенко? Естественно, он борется с врагами — с обесиленным, пересидевшим свой срок парламентом и с газетами, которые он в основном приструнил. Он пытается создать «президентскую вертикаль» и развивает колоссальную активность, вплоть до объявления тем сочинений на вступительных экзаменах в вузы. Но нужно нечто большее. Человек, с немислимой легкостью одержавший головокружительную победу и не знающий, что с ней делать, не имеющий никакой «мирной» и долговременной программы, может идти лишь от боя к бою и от победы к победе, как Наполеон. Ничего другого он просто не умеет и не может.

Блестящим ходом Лукашенко было проведение референдума по четырем вопросам — объявление русского языка вторым государственным, ликвидация принятой в 1991 г. «националистической» символики, одобрение политики президента, направленной на экономический союз с Россией, и предоставление президенту права распускать парламент, приуроченного к парламентским выборам. Вновь битва и головокружительная победа, но затем вновь возвращение к серым будням и новая утрата популярности.

Когда в твоей стране все битвы выиграны и все враги повергнуты, для победителя очень естественно перейти к экспансии вовне. В специфических условиях Белоруссии эта идея может принять своеобразную форму: плана мирного завоевания Лукашенко России посредством мирного завоевания Россией Белоруссии. Многие белорусские аналитики убеждены, что такой план есть.

Обсуждать шансы Лукашенко на претворение этого плана в жизнь не стоит — их нет. Но сам факт дискуссии на эту тему в белорусской печати говорит о крайней неустойчивости и непредсказуемости политической жизни этой страны. И сам Лукашенко может смертельно обидеться на Россию (слишком страстная любовь часто переходит в ненависть). И еще более вероятно, что белорусский народ, разочаровавшись в нем, может качнуться в иную крайность. Непредсказуемость вообще характерна для постсоветского мира, где гуляют популистские волны. Но в Белоруссии, где в народе крайне слабо ощущение ценности своей этнической уникальности и своей государственности, где слаб инстинкт государственного и национального самосохранения, она особенно велика.